
«Кто не любит природы, тот не любит человека, тот не гражданин»

Аманжолова Д.А.

Автор размышляет о роли природно-климатических условий и «кормящего ландшафта» в создании «второй» природы — культуры, об эволюции взаимоотношений человека и природы, в том числе в связи с растущим интересом современных туристов к переосмыслению места человека и результатов его деятельности в трансформации различных типов пространств — природного и культурных. Основное место отведено специфике российского опыта взаимодействия природы и человека.

Ключевые слова: Россия, природа, пространство, культура, человек, общество

Author considers the role of natural climatic conditions and nourishing landscape in 'the second nature' formation — culture. Evolution of human being and nature interaction among other things connected with growing interest of modern tourists to rethinking of human being place and results of his activity in transformation of natural and cultural spaces is considered as well. Main part is connected with specifics of Russian experience of nature and human being interaction.

Key words: Russia, nature, area, culture, human being, society

Избранные в качестве заголовка слова, с коими невозможно не согласиться, принадлежат русскому гению Ф.М. Достоевскому [1. С. 570]. Одно из самых теплых и интимных понятий для каждого человека связано с Родиной, первично и основательно воплощенной в индивидуальном сознании яркими приметами родных мест. Это всегда возвышенные, символические и одухотворенные народным талантом образы волшебного темного леса и сияющих

горных вершин, стремительного и /или умиротворенного течения реки и необозримого степного простора, таинственной вечной мерзлоты и горячих ветров пустыни, сказочного северного сияния и морока тропических пейзажей, зыбкой ряски болот и загадочных переливов морской волны...

И как бы часто (и вполне правомерно) мы ни говорили о тотальной власти культуры над человеком, ее же и создающим, власть природы не менее всеобъемлюща, а доказательств ее грозной и необоримой силы достаточно. К примеру, в 2008 г. ученые Института прикладной математики им. Келдыша выполнили работу, связанную с прогнозом лесных пожаров, и пришли к выводу, что ближайший засушливый год «выведет страну на уровень национальной катастрофы», предложив определенные мероприятия. Однако осознание важности выводов специалистов пришло, как водится, лишь когда в известное место «клюнул жареный петух» — с наступлением жаркого лета 2010 года, которое обошлось стране в 12 млрд долл. [2. С. 22].

Вероятно, поэтому в XXI веке человечество, пожалуй, с особым трепетом стремится сызнова понять возникшее в глубокой древности сакрализованное отношение людей к окружающему кормящему ландшафту, устроенному столь органично и прекрасно, что нам остается лишь попытаться, не нарушая выше данной гармонии, вписаться в нее, пестуя и сохраняя собственное, не менее гениально задуманное единство тела и души, ума и сердца.

Меж тем, перегруженные непомерными амбициями, предрассудками тщеславия

и престижного потребления (в т.ч. живых и «неживых», но всегда уникальных даров природы), стереотипами важности обладания вещными, но не вечными ценностями, статусами, званиями и титулами, должностями и чинами, которые созданы культурой, то бишь нами для самих себя, любимых, мы так часто и беспечно отторгаем свою единственную жизнь от изначальной первозданной чистоты и целомудрия Вечности и Красоты, возникающих в изредка всплывающих в нашем сознании, занятом суетной повседневностью, трогательных и величественных ликах родной земли.

Возможно, растущий интерес имеющих возможность путешествовать к посещению нетронутых цивилизацией мест связан с неодолимой потребностью почувствовать реальность первозданности, хотя бы кратковременную причастность к притягательной и непостижимой неразрывности грозной мощи и хрупкой нежности природы. Колоссальное множество примеров подражания человека краскам, аэродинамике, пластичности и приспособляемости, соразмерности, самоорганизации и саморегулируемости мира Природы обнаруживает любопытные и поучительные уроки.

Так, известная дихотомия «Восток-Запад» достаточно показательно проявляется в отношении культуры — «второй природы» — к истинной, «первой» природе. В частности, восточная культура предполагает концепцию творчества как спонтанного самопроявления мира через человека. Мир может проявлять себя целиком в каждой, даже самой незначительной вещи. При этом человек стремится не нарушать гармонии природы, став ее естественной частью. К примеру, японский поэт Меэ (1173—1232) писал: «Глядя на луну, я становлюсь луной. Луна, на которую я смотрю, становится мною. Я погружаюсь в природу, соединяюсь с нею». Не человек присваивает себе функции Творца, а сама природа и единство в ее основе проявляют себя через человека, свои скрытые возможности. Сравним с утверждением гениального представителя Запада Леонардо да Винчи: «Живописец спорит и соревнуется

с природой». Природа при таком подходе — совсем не храм, а всего лишь мастерская мнящего о своей исключительности и безусловном праве все переустроить в ней человека [3. С. 357—358].

Наша страна имеет замечательные преимущества и возможности в обладании и использовании природных богатств. Сегодня, когда большинство развитых стран серьезно озабочены дефицитом плодородной земли, на Российскую Федерацию, граждане которой составляют всего 2,4% населения планеты, приходится каждый десятый гектар такой земли в мире. Земли сельскохозяйственного назначения составляют 23,6% территории нашей страны, Россия имеет половину черноземов Земли, а многообразие природно-климатических зон позволяет производить самые разнообразные продукты, причем мы имеем вполне реальные предпосылки, чтобы выйти в лидеры по производству зерновых и масличных культур.

Меж тем в социально-культурном плане Россия, образ которой в обывательском сознании рядового чужестранца до сих пор нередко ограничен медведями, морозами и загадками русской души, как будто только что вынырнувшей из дремучего леса с его опасными обитателями — Соловьем-разбойником, Бабой-Ягой и другими лиходеями (впрочем, об этих героях он вряд ли знает), в представлениях самих россиян, живущих подчас в крайне отличающихся природно-климатических условиях, весьма разнообразна и противоречива. Это вполне естественно, и наиболее типичные символы и характерные черты нашей богатейшей культуры накрепко связаны именно с природным богатством и его уникальными достопримечательностями самой большой в мире страны. Мы находим их в сказках, песнях, поговорках, обрядах и танцах, одежде и пище, жилище всех народов России, в государственных символах и региональной геральдике, в рекламной продукции, в лексемах и мифах, в исторических реконструкциях, праздничных мероприятиях и многочисленных маркетинговых проектах, эксплуатирую-

щих и создающих новые бренды территорий, регионов и мест.

Примечательно, что расширение территории России и освоение новых регионов сопровождалось их постепенным образным (визуальным, эмоциональным, психологическим, художественным и литературным, в т.ч. фольклорным) «освоением» и «присвоением» в представлениях новоселов, обживавших край и адаптировавшихся в нем. Во время поездки по Уссурийскому краю (1867–1869 гг.) известный путешественник и ученый Н.М. Пржевальский подметил, что крестьяне не только принесли «на чужбину» свои обычаи, приметы и поверья, но и быстро «приобщились» новые территории к устоявшемуся образу России. «Что там? — приводил он их рассуждения, — заметим: приоритетными в них для аграрной культуры, господствовавшей у нас вплоть до середины XX века, выступают природные условия и ресурсы. — Земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, всякого зверья множество, чего же еще надо? А даст Бог, пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем» [4. С. 26].

Традиционная культура народов России накопила оригинальный опыт наблюдения за природой и адаптации к ее условиям в интересах конкретной цивилизации. Материалы эмпирических наблюдений фиксировались синкретично, тесно сплавляя рациональное и иррациональное. Это сложное сочетание примет, основанных на наблюдениях за растениями, животными, ощущениями человека, нашло яркое отражение в поговорках и пословицах, моделях поведения, циклах хозяйственной деятельности и календарях. Так, православные русские крестьяне использовали святцы для определения сроков наступления тех или иных природных явлений, предсказания погоды и сроков полевых работ. Чередование сезонов и универсальное значение годового цикла обращения Земли вокруг Солнца для сезонных изменений погоды в любом регионе объективно способствовали использованию русскими переселенцами и на новом месте тради-

ционных примет как способов адаптации к изменившимся условиям. В то же время происходил активный обмен таким опытом с местным автохтонным населением, причем базовая культура у тех и других накладывала зримый отпечаток на символические характеристики традиций и акций. В частности, при смещении природно-хозяйственных сроков крестьянского календаря перебравшиеся в Сибирь четко сохраняли его привязку к православному содержанию.

Отношения людей и природы давно занимают умы гуманитариев и естествоиспытателей. Продолжая отсылку к восточным регионам России, приведем следующие примеры. Уже в конце XV — начале XVI вв. неизвестный русский автор написал «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране», подробно живописав пространство и народы Северной Сибири, обитавшие в тундре и лесотундре. В 1517 г. вышел трактат историка, ректора Краковского университета Матвея Меховского (1457—1523), собравшего сведения о восточных регионах нашей страны из бесед с приезжавшими в Польшу русскими, — «О двух Сармациях».

Вот как рассказывал польский профессор о сибирских просторах и их богатствах, осваиваемых нашими предками: «... из Северного океана на вершины прилежащих к морю гор выходят некие рыбы, называемые на языке московитов морж (morss); цепляясь зубом, они облегчают себе подъем, а с вершины горы скользят и падают по другую сторону. Югры и другие жители севера ловят их, и зубы их, отличающиеся большой тяжестью, посылают в Московию, а затем к туркам и татарам. Из них делают рукоятки мечей, сабель и ножей, чтобы их тяжесть придавала большую силу ударам. — С. Герберштейн позже уточнял: ручки ножей делаются из моржовой кости для украшения, а не для тяжести. — Заметим, в-четвертых, что гор Рифейских и Гиперборейских в природе нет ни в Скифии, ни в Московии, ни где бы то ни было, и хотя почти все космографы утверждают, что из этих гор вытекают Танаис, Эдель или Волга, Двина (Dzwina) и другие крупные

реки, написанное ими — выдумки и невежественное баснословие. Танаис, Волга и наиболее крупные реки текут из Московии, из страны равнинной, болотистой и лесистой, вовсе не имеющей гор. Заметим, в-пятых, что югры в скифской Югре не возделывают полей, не сеют, не имеют ни хлеба, ни вина, ни пива, ведут жалкую жизнь в лесах и подземных норах, питаются рыбой и дичью, которых там много, пьют воду, одеваются в шкуры, сшивая вместе шкуры разных животных: волка, оленя, лисицы, куницы и пр. Таким образом, скудная это область у северного полюса, как и говорит Гиппократ в книге о странах, воздухе и воде. Подчинены они князю Московии и платят ему подати шкурами соболей, белок и другими, так как у них нет ничего иного для дани». Далее автор рассуждает вполне в духе сохранившихся с тех времен западных стереотипов: «...что за счастье — не иметь ни хлеба, ни вина, ни других удовольствий? Что это за умеренный климат, когда там приходится терпеть постоянный холод; когда во время зимнего солнцестояния у них там непрерывная ночь, а во время летнего — незаходящее, но едва теплое солнце?» [5].

В трудах современных исследователей особое внимание уделяется новым подходам к изучению физического пространства, становящегося частью культуры. Из программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития России: междисциплинарный синтез» в 2012 году выросли две самостоятельные темы — «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (координатор — академик В. Котляков) и «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического региона в условиях роста напряженности» (координатор — академик Г. Матишов). Складываются и локальные области знания — регионоведение, исследование культурных ландшафтов (герменевтика ландшафтов), исследование географических образов. Специалисты в области социально-культурной антропологии пристально изучают всевозможные варианты этнокультурного

опыта создания агроландшафтов, принципы выделения культурно-ландшафтных районов, практики природопользования и влияние на них этнокультурных контактов, топонимию как отражение границ культурного ландшафта, региональную и этноидентичность в лимитрофных зонах, этноэкологические традиции, природные объекты как границы пространств, народную архитектуру как пример отношения к природной среде и т.д. [14; 11. С. 464–478; 12; 13].

Хронотопы традиционной культуры активно исследуются культурологами, этнологами и другими учеными. Они показали, что пространство осваивается смыслом тогда, когда оно наполняется смыслом и значением. В частности, религиозно-мифологические традиции ярко отражают привязанность истории и культуры разных народов к природной среде, ее традиционному использованию и трансформации, хозяйственной специализации и торговым связям, формированию экологических стандартов и моделей экологического поведения.

С помощью сакрализации представителей растительного и животного мира устанавливался баланс между миром людей и природой, прежде всего в предшествующий урбанизации период. Волшебными предметами и возможностями в сказках также наделялись многие растения, животные или части их тел. Рациональные познавательные начала, системы жизнеобеспечения, оригинальные, весьма изобретательные и поучительные способы адаптации каждого народа, языческие, христианские, мусульманские, буддистские представления о тленном и духовном, опыт межэтнических контактов, реальность и вымысел органично переплетаются в представления разных народов о фауне и флоре.

Они воплощаются в космогонических представлениях, лексике, декоративно-прикладном искусстве, музыке, танцах, семейных рассказах, обычаях и суевериях. Неприкосновенный журавль у башкир, ужи-получато у русских северо-запада Ярославской области, вещие кошки и со-

вы у русских Карелии, чудесные помощники — конский волос и птичье перо у адыгов, поклонения Вирь-аве, Ведь-аве и Мода-аве (матери леса, воды и земли) у мордвы, зооморфные ипостаси богов и клятвы именами животных у вайнахов, символизм, таинственность и почетный ореол образа барса у разных социальных групп осетин, священный олень у ненцев, возрождение мифологии птиц в культуре Серебряного века — все эти примеры подтверждают непрерывность связей мира человека и мира природы [12. С. 184–193].

Традиционный опыт адаптации пространства и времени включает практические знания (включая спонтанные реакции людей на физические свойства мира), навыки (накопленный опыт, объединяющий мотивацию и стереотипы решений и поведения) и представления (область интерпретации, позволяющей обнаружить или создать смысл данной категории знаний). Пространственное поведение народов обусловлено как экологически, так и общественными отношениями. Общими (универсальными) принципами хронотопа традиционной культуры являются не только разделение пространства на природное (неосвоенное) и культурное, но и совмещение этой дихотомии с другой — «чужое — свое», а адаптация к условиям среды дает социальным общностям возможность физического конструирования «своего» пространства.

Исторические, художественные и литературные памятники, посвященные путешествиям, создаваемые человечеством с древнейших времен, наполнены волнующими и манящими живописаниями красот, угроз, открытий и «приручения» человеком все новых пространств, фауны и флоры. Новый всплеск интереса к взаимоотношениям природы и человека во всем мире быстро встраивается в современные туристские практики. Это вполне отражает и российская действительность. 41% опрошенных в 2010 г. считали, что наша страна привлекательна для туристов в силу уникальной природы и истории, 44% — что это вполне возможно [7. С. 24]. Среди образов будущего России

эти факторы стоят на третьем месте после образов а) поставщика сырья для глобальной экономики и б) все еще обнадеживающего культурного потенциала.

По данным В.К. Мальковой и В.А. Тишкова (2009 г.), среди самостоятельно названных респондентами (из Москвы, Екатеринбург, Сургута, Казани, Омска, Киргизии, Приднестровья) 1857 брендовых характеристик и отличительных особенностей территорий Южного федерального округа 30% ответов (больше, чем все другие) было связано именно с географией и природными условиями конкретных регионов, причем особо отмечалась именно природная уникальность [6. С. 27].

Пожалуй, те же результаты могли бы получиться и при характеристике других регионов России. Полнос холода и самая длинная европейская река Волга, озеро Шайтан и столбы выветривания, Тунгусский метеорит и Берелехское кладбище мамонтов, Кунгурская ледяная пещера и озеро Баскунчак, гора Белуха и природные аномалии села Молебка, святые источники, камни и деревья, Чегемские водопады и Байкал, айсберги и цветение лотосов, вулканы, целебные грязи и соли, амурский тигр и белоплечий орлан, снежный барс и алтайский горный баран аргали — все это и многое другое составляет бесценный дар и предмет законной гордости жителей наших краев, областей и республик.

Соглашусь с И. Шевелевым: «Мы окружены путешествиями, вернее тоской по ним. И вот любитель повести Паустовского «Романтики» пускается в путь и находит на всех путях одну и ту же дрянь. Людская глупость, разруха, пробки на дорогах, а природа монотонна до головной боли. Обман, чистый обман. Ничего похожего на интимную словесность книг. Стыковки с реальностью не происходит. И что нам делать, создатель?»

Помню книжечки конца 50-х — начала 60-х годов из географической серии путешествий, запущенной в краткую постсталинскую оттепель. Она заразит целое поколение охотой к перемене мест, а через четверть века отзовется в перестроенном поколении детей... Да, путешествия

не оправдывают ожиданий. ... Путешествия дают более важное — понимание необходимости веры в их чудо, чтобы было о чем рассказывать детям. Что и впрямь есть волшебные горы, на которые надо восходить» [8].

При этом именно природа служит очевидным и к тому же «бесплатным» ресурсом для туризма и выстраивания конструктивного межкультурного диалога. Для выросшего в природное пространство и выросшего в нем человека уникальность окружающего пространства и обыденна, и волшебна. Взаимный «обмен» таким пониманием привычного для коренного обитателя того или иного места, обогащение восприятием естественных красот и уникальной обустроенности в нем конкретного народа, а зачастую солидарной хозяйственной и социально-культурной кооперации разных народов, формируют замечательный групповой и индивидуальный опыт интерактивного познания и уважения культур, историй, судеб сограждан родной страны. К примеру, горы Аргунского историко-культурного и природного музея-заповедника для чеченцев — пространство, в котором индивидуальное сознание переживает сопричастность доминантным матрицам родной истории и культуры: «Горы охраняют нас... Горы ждут нас... Там, в горах, твоя родовая скала, на ней башня из камня, рядом склеп. Там небо становится ближе, там тишина и музыка чистых горных рек... и долго еще звучит во мне эта музыка», — так современный автор Герман Садулаев воспроизводит этнокультурный архетип [6. С. 178–179]. В то же время широко известны сегодня многочисленные примеры успешного использования русскими переселенцами, в т.ч. казаками, опыта обживания в новых природных условиях и усвоения адекватных им способов хозяйствования, питания, одежды, утвари, гостеприимства, накопленного многовековой культурой горских народов. Это, в свою очередь, закономерно оборачивалось накоплением столь необходимых всем народам и обще-

ствам навыков комплиментарного и конструктивного сожительства.

Вряд ли есть смысл напрямую связывать культуру и особенно характер народа с географической и природной средой его обитания, как это делали в прошлом многие представители этнографии, антропогеографии, историографии. К примеру, в 1998 г. состоялось обсуждение доклада Г. Гольца «Об универсальном и специфическом в истории России», в котором утверждалось, что уникальность российского развития, менталитета, социальнокультурного и психолого-социального типа людей, которые живут на территории центральной России, обусловлена главным образом формированием культуры в условиях необычной колеблемости природных процессов. Между тем, как справедливо заметил один из участников дискуссии И.Гр. Яковенко, «наверняка, вмещающий ландшафт, климат — одни из факторов, детерминирующих процесс самого генезиса цивилизации — формирования ментальности и национального характера. Но это не единственный фактор». По мнению ак. Ю. Пивоварова, «нас долгие годы учили, что природная среда ничего не определяет. Ценность доклада Г. Гольца состоит в том, что он показал пусть маленький..., но очень важный фактор. ... Надо учитывать естественные процессы, а не управлять вопреки им» [9].

Учитывая объективные обстоятельства исторического развития, в том числе природно-климатические, как это делали, в частности, и видные российские историки, в то же время важно понимать, что целостность территории и ее особенности, как признали серьезные исследователи XIX и XX веков, не являются, по словам Ю.В. Бромлея, «строго обязательным фактором сохранения общих характерных черт всех частей этноса» [9. С. 6].

К тому же подавляющее большинство территорий с численным преобладанием определенного этноса служило основой формирования и развития многих народов. Так, древний Новгород представлял собой своего рода федерацию славянских и финно-угорских племен, а также скан-

динавских насельников. Булгар был родиной целого ряда тюркских общностей, из которых сложилось несколько народов, а не только татары. На протяжении десятилетий считалось, что возникновение изолированных языков в Дагестане, а значит, и народов, было вызвано труднодоступными горными перевалами и проживанием в отдельных замкнутых долинах. На самом же деле, это многообразие языков и культур было в большей степени связано с внутренней эндогамией, т.е. не географическим, а социальным фактором брачного выбора [10. С. 7; 11. С. 436–437].

Сами природные рубежи, к примеру, такие крупные, как реки и горы, совсем не обязательно служат этническими границами. Скорее, наоборот — это зоны интенсивных межкультурных коммуникаций — назовем для примера Волгу и Кавказ. В сознании населяющих эти «рубежи» людей они выступают как ценные символы значимости памятных мест, приватизированных семейными преданиями и биографическими событиями. Подтверждением служит запомнившийся комментарий отца семейства бывших советских немцев, возвращавшихся в Германию из поездки в Россию, прозвучавшее при пересечении поездом реки Одер на границе Польши и Германии: «Ну, это вам не наша Волга!» (лето 2004 года).

Образы природы конструируются и интерпретируются людьми не только в частной жизни, но и в политическом, социально-культурном, экономическом дискурсах, предусматривающих обеспечение вполне определенных интересов и целей. Коммерциализация и использование для организации туризма и отдыха природных пространств и достопримечательностей широко используются во всем мире, и в России эти явления получают сегодня ошутимое распространение. Исходными точками в конструировании значимых ориентиров служат типичные примеры ландшафта, наиболее известные памятники природного наследия, связанные с ними события и персонажи, предания и объекты.

Однако нынешняя реальность такова, что 76% россиян проводят досуг у ТВ и радио, 75% — занимаются домашним хозяйством, около половины читают, встречаются с друзьями или просто отдыхают, треть бывает на природе, слушает музыку или смотрит видео. В остальные виды активности на досуге включены не более 20% населения, причем главным образом весь досуг связан с пребыванием дома. Т.е. в целом россияне включены в те формы досуга, которые не связаны с внутренним саморазвитием и с тратой финансовых ресурсов. При растущем запросе на разнообразие и активные формы досуга само распространение таких форм и их масштабы не постоянны и нешироки по масштабам [7. С. 110, 114].

Особенно серьезной является проблема финансовой доступности туристических практик, которые должны быть ориентированы по форме, способам организации, содержанию, пакету услуг на разные социально-демографические группы (возраст и образование, степень мобильности, традиционалистские или модернистские интересы и пр.) и давать возможности для каждой реализовать запросы: а) в саморазвитии, б) в празднике, в) в развлечении, г) в релаксации, д) в оздоровлении. Развитие туристических практик в регионах и между ними необходимо выстраивать с учетом того, что трудолюбие, честность и профессионализм остаются приоритетными ценностями, а установка на выстраивание интерактивных связей, развитие отношений кооперирования и коммуникативные взаимодействия (готовность к участию в решении общих дел, толерантность, умение приспосабливаться) не имеют приоритетной значимости.

Между тем сравнительная неразвитость сети автодорог и транспортной системы в целом, бедность возможных видов производственной и досуговой деятельности в современных российских селах, разложение традиционного сельского образа жизни не ведет к утверждению городских норм, а усиливает маргинализацию значительной части селян (более 25% жителей

РФ). К тому же почти каждый 5-й горожанин — выходец из села [7. С. 43–44].

В частности, охрана аборигенных ландшафтов как элементов общего наследия предполагает не только заповедование «эталонных» ареалов подобных территорий в местах развития традиционного природопользования и охрану их материальных компонентов. Необходимо сохранение аборигенной топонимики, языка и фольклора, воссоздающих виртуальные образы ландшафтов, сохраняющиеся в исторической памяти народов [12. С. 470–471]. Такой подход создает возможности системной модернизации регионов на основе защиты уникальных природных ресурсов, в том числе для развития сервисной и туристской деятельности.

От власти во всех ее обликах люди больше всего ожидают не общих деклараций и характеристик тех или иных процессов или «трудов», а того, что связано с приземленными личными интересами и особенностями личной ситуации. Этот прагматичный, утилитарный подход важно

учитывать, формируя программы развития туристических практик в конкретной местности (патерналистские ожидания, социальный инфантилизм, сужение зоны неформального социального контроля и др.). Ценности приватного мира и душевной гармонии остаются самыми важными для большинства людей, а значит — при хорошо организованной практике ревитализации собственных, внутрисистемных форм досуга, в т.ч. путешествий, они могут быстро стать эффективной и доходной статьей развития регионов. В этом контексте привлекательным и социально значимым выглядит стимулирование внутреннего и въездного туризма, связанного с использованием и реконструкцией этнокультурного опыта российских народов по обживанию природных локусов, формированию уникальных и поучительных традиций, праздников, обрядов, социально-культурных самодельных объединений и экологически оправданному жизнеобеспечению.

Литература

1. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО «Красный пролетарий», 2006. Автор-сост. В. Балязин. 848 с.
2. См.: Знание о прошлом в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 3–45.
3. См. подробнее: Петрухинцев Н.Н. XX лекций по истории мировой культуры. М.: Владос, 2001. 400 с.
4. См.: Роголина Н.Л. Задачи и уроки изучения российских аграрных реформ XX века // Российская история. 2011. № 4. С. 13. Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с. См. также: Руднев В.В. Этническая метеорология. Традиционная народная культура и современность // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. Сб. статей. М.: АИРО-XX, 1995. С. 13–25.
5. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: АН СССР, 1936 // <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/frametext1.htm> (дата обращения: 26.01.2012).
6. Культура и пространство. Книга 2-я. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. М.: ИЭА РАН, 2010. 184 с.
7. Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад Института социологии РАН совместно с Представительством Фонда. Ф. Эберта в РФ. М., 2010. 179 с.

8. Шевелев И. Путешествие странника к месту своего возвращения // Независимая газета. 2008. 31 июля.
9. Социокультурная методология анализа российского общества. Руководитель А.С. Ахиезер (с препринта № 23) KOI8-rus. Семинар № 21. Социокультурная методология анализа российского общества. Независимый теоретический семинар. г. Москва. 21 октября 1998 года.
10. Цит. по: Тишков В.А. Три карты: физическая, административно-государственная и этническая // VIII конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. 600 с.
11. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 446 с.
12. VIII конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. 600 с.
13. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006.
14. Переключение программ. В РАН стартовал новый конкурсный цикл // Поиск. 2012. № 03. <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/2791/> (дата обращения: 26.01.2012).

В Институте туризма и гостеприимства постепенно накапливается свой опыт прикладного изучения близких научных проблем. См.: Аманжолова Д.А., Джанджугазова Е.А., Зайцева Н.А. и др. Стратегическое управление социально-экономическим развитием туристско-рекреационных регионов. М.: ИТиГ, 2009; Аманжолова Д.А., Багдасарян В.Э., Федупин А.А. и др. Культура регионов России. Уч. пособие. М.: Собрание, 2010; Аманжолова Д.А. Этнокультурные традиции и сервисная деятельность: некоторые подходы и проблемы // Туризм и сервис в панораме тысячелетий. Альманах. Вып. 3. М.: МПГУ, РГУТиС, 2011. С. 32–61 и др.